

Значительно более распространенной была форма историко-биографического очерка. Ряд таких очерков был создан К. Н. Бестужевым-Рюминым. В центре внимания его были основоположники российской научной историографии В. Н. Татищев и А. Л. Шлецер. В этих очерках прежде всего подчеркнута значимость научного наследия этих историков. В данном случае проявился особый интерес Бестужева-Рюмина к исследованию истории русского летописания, а исследование летописей тесно связано с Татищевым и Шлецером. Несколько меньшие по формату очерки Бестужева-Рюмина были посвящены другим историкам – Н. М. Карамзину, М. П. Погодину, С. М. Соловьеву, С. Ф. Ешевскому, А. Ф. Гильфердингу. По существу, с трудов Бестужева-Рюмина в отечественной исторической науке зародилась традиция создания обстоятельных биографических очерков об историках. Эту традицию в начале XX в. продолжил исследователь отечественной историографии В. С. Иконников, посвятивший свой очерк А. Л. Шлецеру. В его труде, как подчеркивал Иконников, особенно ценным было то, что закладывались основы исторической критики с разделением ее на низшую и высшую. Особое положение занимает очерк А. А. Кизеветтера о своем современнике П. Н. Милюкове. Характерная черта этого очерка в том, что в нем освещена почти исключительно активная политическая деятельность выдающегося историка. Такая особенность может объясняться выходом очерка в свет в революционном 1917 г., когда политические вопросы стали вызывать особый общественный интерес.

Еще одной формой работ об историках стали произведения малого формата, к которым относились статьи, речи по случаю юбилеев, с существенными элементами личных воспоминаний. В этом отношении исключительной глубиной отличалась речь С. М. Соловьева памяти Н. М. Карамзина в 1876 г., когда отмечался столетний юбилей историографа. В статье были прослежены культурно-исторические предпосылки появления «Истории государства Российского», которые формировались на протяжении всего развития русской культуры XVIII в. Аналогичной была статья В. О. Ключевского к столетию со дня смерти И. Н. Болтина. Он особо выделил в ней значение «исторической критики» Болтина, которая у него лишалась полемической горячки и, как писал Ключевский, «превращалась в спокойное сравнительное изучение русской истории» [2, с. 156].

Важнейшим источником в исследованиях об историках в XIX – начале XX вв. были труды, созданные ими. Этот источник в конечном счете позволяет делать вывод о вкладе историка в науку, о месте его в науке своего времени. Едва ли менее значимым источником являются другие произведения, созданные историками, которые не относятся к историческим трудам. Это прежде всего их литературные и публицистические произведения, в частности, таких историков, о которых писали позднейшие авторы, как Н. М. Карамзин и М. П. Погодин. К наиболее важным источникам относятся также материалы личностного происхождения. Это были письма и «автобиографические заметки». Последние принадлежали М. И. Семевскому и использовались В. В. Тимощук. Это могли быть также письма других лиц, материалы печати, посвященные историкам.

Труды о русских историках, созданные в XIX – начале XX вв., закладывали основу отечественных исследований, посвященных личностям исторической науки, которые получили свое развитие в более поздний период.

1. Гуревич, А. Я. История историка / А. Я. Гуревич. – М. : РОССПЭН, 2004. – 288 с.
2. И. Н. Болтин // Сочинения : в 8 т. / В. О. Ключевский В. О. – М. : Соцэкгиз, 1959. – Т. 8. – С. 133–163.
3. Памяти И. Н. Болтина // Сочинения : в 8 т. / В. О. Ключевский В. О. – М. : Соцэкгиз, 1959. – Т. 8. – С. 164–176.
4. Коялович, М. О. История русского самосознания по историческим памятникам и научным сочинениям / М. О. Коялович. – М. : Институт русской цивилизации, 2011. – 688 с.
5. Кун, Т. Структура научных революций / Т. Кун. – М. : Прогресс, 1967. – 300 с.
6. Лубский, А. В. [Рецензия] / А. В. Лубский. – Рец. на кн. : Пронштейн А. П. Источниковедение в России. Эпоха феодализма / А. П. Пронштейн. – Ростов-на-Дону : Изд-во РГУ, 1989 // Вопросы истории. – 1990. – С. 172–174.
7. Милюков, П. Н. Главные течения русской исторической мысли / П. Н. Милюков. – М. : ГПИБ, 2006. – 400 с.
8. Черняховский, Ф. И. В. В. Крестинин / Ф. И. Черняховский. – Архангельск : Архангельское кн. изд-во, 1955. – 40 с.

Алеврас Н. Н., Гришина Н. В.
ДИССЕРТАЦИИ РОССИЙСКИХ ИСТОРИКОВ XIX – НАЧАЛА XX ВЕКА
КАК ИСТОЧНИК ИСТОРИОГРАФА: ПОДХОДЫ К ИЗУЧЕНИЮ¹

Диссертация в современном историко-научном знании позиционируется как один из видов историографических источников [2, с. 533–534].

На наш взгляд, видовые особенности диссертации аккумулируются под воздействием ряда мотиваций их авторов. Первая целеполагающая линия определяется устойчивым убеждением современников в значимости научного знания в области изучения истории. Достижение ученых степеней, карьерный рост имели не меньшее значение для университетских людей в ситуации фор-

¹ Исследование подготовлено при финансовой поддержке Фонда перспективных научных исследований ЧелГУ (Приказ № 72–1 от 02.02.2021 г.).

мирования научного сообщества с его иерархичной структурой. Современники-диссертанты изучаемого времени не выражали явной рефлексии относительно жанровой принадлежности своих квалификационных сочинений. В первой половине XIX в. накапливался опыт создания диссертаций-«рассуждений» и диссертаций-исследований, а к рубежу XIX-XX вв. возникает тип диссертаций-монографий и усиливается карьерная подоплека их защит.

Авторы в данном случае актуализируют проблему изучения диссертаций в рамках указанного периода с учетом опыта создания базы данных о диссертациях и обращения к довольно представительной их совокупности – 409 работ. Общее их количество задает тему выработки оптимальных подходов к их изучению. Во-первых, использовался информационный ресурс базы данных о диссертациях и диссертантах, позволивший дать общую картину приоритетов диссертантов в выборе проблематики и актуальных для них хронологических ретроспекций. Во-вторых, востребованным стал метод выборки тематически связанных диссертаций с последующим анализом их текстов. В-третьих, была предпринята попытка обобщения вводных сюжетов к текстам диссертаций с целью уловить и понять как мотивацию выбора проблематики, так и научный инструментарий диссертанта, используемый для решения поставленных научных задач.

I. Вся совокупность диссертаций при изучении их проблематики распределяется на три хронологических периода (Табл. 1), исходя из установившихся к середине XIX в., в том числе в российском историко-научном сообществе, представлений о периодизации истории [4, с. 196–227].

Таблица 1. Распределение тематики диссертаций по хронологическому принципу

Уровень диссертации	Древняя история	Средние века	Новое время	Итого
Магистерские диссертации	84	108	72	264
Докторские диссертации	39	61	45	145

Как видим, наибольшее внимание соискатели уделяли средневековой истории (108 магистерских и 61 докторская диссертации). На втором месте у магистров оказывалась древняя история – 84 диссертаций, а у докторов новое время – 45 диссертаций.

Неравномерно выглядит распределение диссертаций по научной проблематике. Все анализируемые диссертации дифференцированы по 5-ти основным категориям, в 4-е из которых вошли конкретно-исторические работы, посвященные проблемам политической, социальной, экономической истории и истории культуры. Отдельно была выделена совокупная категория «вспомогательные исторические дисциплины», что было обусловлено существующими в современной историографии подходами к дисциплинаризации научного знания [3, с. 96]. В эту группу вошли диссертации, посвященные изучению исторических источников, течений исторической мысли, археологии, исторической географии, а также специальным отраслям исторического знания – эпиграфике, геральдике, хронологии и т. п. (Табл. 2).

Таблица 2. Распределение тематики диссертаций по проблематике

Уровень диссертации	Политическая история	Экономическая история	Социальная история	История культуры	ВИД	Итого
Магистерские диссертации	107	28	23	41	65	264
Докторские диссертации	65	11	17	22	30	145

Самой многочисленной категорией стали диссертации, посвященные проблемам политической истории. В основном в нее вошли работы о политических институтах и личностях политиков. Внутри данной группы выделяются диссертации по более узкой проблематике, которые в своей совокупности позволяют сделать вывод о наличии определенных традиций в выборе научных тем. Так, явно просматриваются блоки диссертаций по истории отдельных земель, княжеств, городов, а также по истории колонизации.

Работы по экономической истории чаще всего были посвящены торговым отношениям и финансовой политике. Диссертации, посвященные социальной проблематике, касались социальной структуры и положению отдельных социальных групп. Диссертации по истории культуры чаще всего были обращены к вопросам религиозности и формирования общественного сознания посредством влияния различных направлений философской мысли. Вместе с тем можно отметить работы по истории образования, а также исследования, непосредственно посвященные вопросам развития искусства.

Достаточно представительным проблемно-тематическим блоком стали работы, посвященные отдельным историческим субдисциплинам (ВИД). В этой группе исследований особенно выделяются

диссертации, основанные на анализе конкретного исторического источника, название которого зачастую было вынесено в наименование труда, или видовой группы источников. Диссертанты демонстрировали подходы и методы их изучения. Кроме того, выделяются подгруппы историографических работ и исследований в области эпиграфики, хронологии и исторической географии.

II. Используемый метод выборки совокупности работ по близкой проблематике был применен относительно диссертаций первой половины XIX в., в период становления университетской системы и первых опытов защит диссертаций. Из 85 диссертаций этого периода заметную группу составили 14 работ, ориентированных на постановку проблем методологии и философии истории, а также – разработку истории исторического знания. Всех авторов этих работ можно рассматривать как первопроходцев в области философии, методологии истории и историографии.

Лидером в создании «методологических» диссертаций историков оказался Харьковский университет [1, с. 219–241], где было защищено 9 работ данного типа. В период становления университетской и диссертационной систем особо выделяются 1820–1830-е гг. Тогда во всех университетах было защищено всего 23 диссертации. Но именно в этот период на долю «методологических» диссертаций пришлось половина (10) работ. В последующие десятилетия интерес к методологической проблематике у диссертантов снизился: в 40-е – 50-е гг. XIX в. из 58 защищенных диссертаций только четыре были квалифицированы нами как «методологические».

Несмотря на небольшое количество выявленных работ данного типа, подчеркнем значимость осуществленной выборки – как для понимания тенденций в эпистемологической области исторического знания в период его профессионального становления, так и для выявления особенностей восприятия учеными-современниками статуса и функциональных задач диссертации в качестве особой разновидности научных трудов ученых. Выбор обозначенной тематики именно для диссертационных сочинений актуализировался соискателями ученых степеней спецификой их презентации. Публично защищаемая диссертация, открытая для обсуждения и экспертизы, как инновационный для того времени научный жанр, рассматривалась в качестве оптимального носителя /транслятора философско-методологических размышлений соискателей в культурную среду относительно того, как изучать, преподавать и писать историю.

Многие авторы диссертаций этой группы оказались полузабытыми именами в историографии (Н. Корсун, А. И. Ставровский, И. А. Сливицкий), неизвестными как создатели диссертаций (И. Н. Средний-Камашев, Н. И. Павловский), требующими более углубленного изучения (А. З. Зиновьев, А. Ф. Федотов, Н. Г. Устрялов, А. П. Рославский-Петровский). Авторы считали, что к выявленной группе диссертаций целесообразно применить подход, нацеленный на изучение содержания каждой из них. Предметом исследования стали интерпретация концептуальных версий диссертантов, философских и методологических принципов, идеологических стереотипов, положенных в основу квалификационных «рассуждений». Данный подход востребует также погружение в биографический материал, в историю создания диссертаций и хода их защит.

III. Наконец, обращение к текстам диссертаций оказывается продуктивным и для понимания конвенций, сложившихся в научном сообществе анализируемого времени, в частности, применительно ко второй половине XIX-начала XX в. Особое значение в этой связи приобретают вводные разделы диссертационных исследований, которые являются квинтэссенцией принятых договоренностей. Введения /предисловия, выполняя функцию постановочной части, обладали специфической информационной насыщенностью. Основной задачей предисловий становится репрезентация критериев научности, демонстрация базовых исследовательских навыков и оформление академических конвенций [5].

При анализе вводных разделов группы диссертаций, авторами которых являлись историки-русисты Московского и Петербургского университетов, удалось установить, что определенную структуру предисловия начали приобретать в 1860–1880-е гг. В диссертациях, защищенных в более ранний период, зачастую вводная часть отсутствовала (например, в магистерской диссертации С. М. Соловьева). Содержание вводного раздела диссертации трансформировалось на протяжении всего анализируемого времени, в том числе под воздействием меняющихся академических конвенций.

Общим местом в предисловиях становится обоснование выбора темы, что происходило чаще всего через подчеркивание своевременности обращения к ней, а также определение круга задач, на решение которых была направлена диссертация. В текстах предисловий в ряде случаев встречаются весьма зрелые примеры анализа видовых групп источников (М. М. Богословский) и историографии темы (А. А. Кизеветтер, Ю. В. Готье, В. И. Пичета). Складывается традиция выражения слов признательности лицам, оказавшим помощь и поддержку при подготовке диссертации. В культуре благодарностей явно выражается процесс складывания научных школ. Если представители Петербургской исторической школы (С. В. Рождественский, М. А. Полиевктов, П. Г. Васенко, А. Е. Пресняков и др.) обращались к научному авторитету профессоров-руководителей, благодари-

ли своих учителей (К. Н. Бестужев-Рюмин, Е. Е. Замысловский, С. Ф. Платонов), то для москвичей культ учителя был не так выражен. Конечно, в ряде диссертаций фиксируется влияние, например, В. О. Ключевского, но в целом авторы подчеркивают значение интеллектуального общения, сложившегося среди историков-руссистов Московского университета в 1890–1910-х гг. Вместе с тем встречаются случаи, когда авторы подчеркивают различные – межшкольные – источники идейного влияния на их диссертации (П. Н. Милюков, Г. В. Вернадский).

1. Киселева, Ю. А. Дисциплинизация историографии как эпифеномен профессионализации исторического знания (на материале Императорского Харьковского университета) // Люди и тексты. Исторический альманах. – М. : Изд-во ИВИ РАН, 2014. – № 6. – С. 219–241.
2. Маловичко, С. И. Классификация историографических источников / С. И. Маловичко // Источниковедение : учеб. пособие / редкол.: М. Ф. Румянцева (отв. ред.) [и др.]. – М. : Изд. дом Высшей школы экономики, 2015.
3. Румянцева, М. Ф. Дисциплина исторической науки / М. Ф. Румянцева // Теория и методология исторической науки. Терминологический словарь / редкол.: А. О. Чубарьян (отв. ред.) [и др.]. – М., 2014.
4. Савельева, И. М. История и время. В поисках утраченного / И. М. Савельева, А. В. Полетаев. – М. : Языки русской культуры, 1997. – 800 с.
5. Fairclough, N. Critical discourse analysis: papers in the critical study of language / N. Fairclough. – New York, 1995. – 265 p.

Кашинская О. А.
ВЫБОР ФОРМЫ ПРЕЗЕНТАЦИИ ИСТОРИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ М. В. КЛОЧКОВЫМ
(К ВОПРОСУ О МОНОГРАФИИ И ИСТОРИЧЕСКОМ ОЧЕРКЕ
КАК ВИДАХ ИСТОРИЧЕСКИХ ИСТОЧНИКОВ)

Проблема презентации исторического материала в таких видах историографических источников, как исторический очерк и монография ранее уже рассматривалась С. И. Маловичко и М. Ф. Румянцева, которые сделали вывод, что оба вида историописания в рамках классической исторической культуры оказались наиболее тесным образом связаны [7. с. 337–354].

В данном исследовании автор ставит задачу проанализировать исторические исследования М. В. Клочкова «Очерки правительственной деятельности времен Павла I» и «Население России при Петре Великом по переписям того времени. Переписи дворов и населения : Т. 1 : (1678–1721)», сопоставив их с очерковыми по форме историческими произведениями Д. Ф. Кобеко и Н. К. Шильдера.

Несмотря на цензурные сложности обращения к истории жизни и политической деятельности дома Романовых, историки второй половины XIX века стали все чаще обращаться к личности Павла I.

Во второй половине XIX – нач. XX века появляется широкий спектр видов историографических источников, в которых в той или иной степени описывалась история второй половины XVIII века и жизнь цесаревича, а затем императора Павла I.

В результате анализа историографических источников последней четверти XIX – начала XX века, удалось выявить, что биография и история правления Павла I, в первую очередь, позиционировалась в очерковой форме историописания [1, с. 73–75; 2, с. 56–58].

По мнению С. И. Маловичко, такой вид историографических источников – как *исторический очерк* – характеризуется более свободным, чем в научном исследовании (монографии или научной статье), стилем изложения, отсутствием репрезентативной источниковой базы, популярностью текста, доступного для простого читателя, законченностью исторического рассказа. Исторические очерки могут представлять собой исторические повествования, основанные на чужих или своих (более ранних) исторических трудах. [1, с. 539].

Структура произведения Д. Ф. Кобеко производит впечатление одного большого очерка, разделенного на логические блоки, пронумерованные латинскими цифрами. Так, сюжет под номером «II» начинается словами: Двор цесаревича Павла Петровича состоял, в начале царствования Екатерины, из следующих лиц <...> [3, с. 14]. Это наводит на мысль, что выделяемые структурные блоки текста представляют собой законченные рассказы, но это не совсем так. Блок текста под цифрой «VI» начинается словами: «Порошин, прекратив свой дневник, вместе с тем лишился и должности <...>» [3, с. 46], что свидетельствует о разорванности текста и, вместе с тем, отсутствии, выполняемых отдельными нарративами исследовательских задач [1, с. 73–75].

Рефлексируя особенности своего исторического нарратива «Император Павел Первый: историко-биографический очерк», Н. К. Шильдер, писал: «В настоящем труде я не задавался целью изложить историю царствования императора Павла Первого. В виду наступающего столетия кончины этого государя я желал лишь набросать краткий очерк его жизни, отличающейся такими трагическими и, можно сказать гамлетовскими чертами, подобным которые не встречается в жизни ни одного из венценосцев, не только в русской, но и во всемирной истории» [11, с. 8. ; 2, с. 56–58].

Анализ историографического источника «Цесаревич Павел Петрович» позволяет уточнить, что в нем присутствуют видовые признаки, относящиеся к такому виду историографических источников